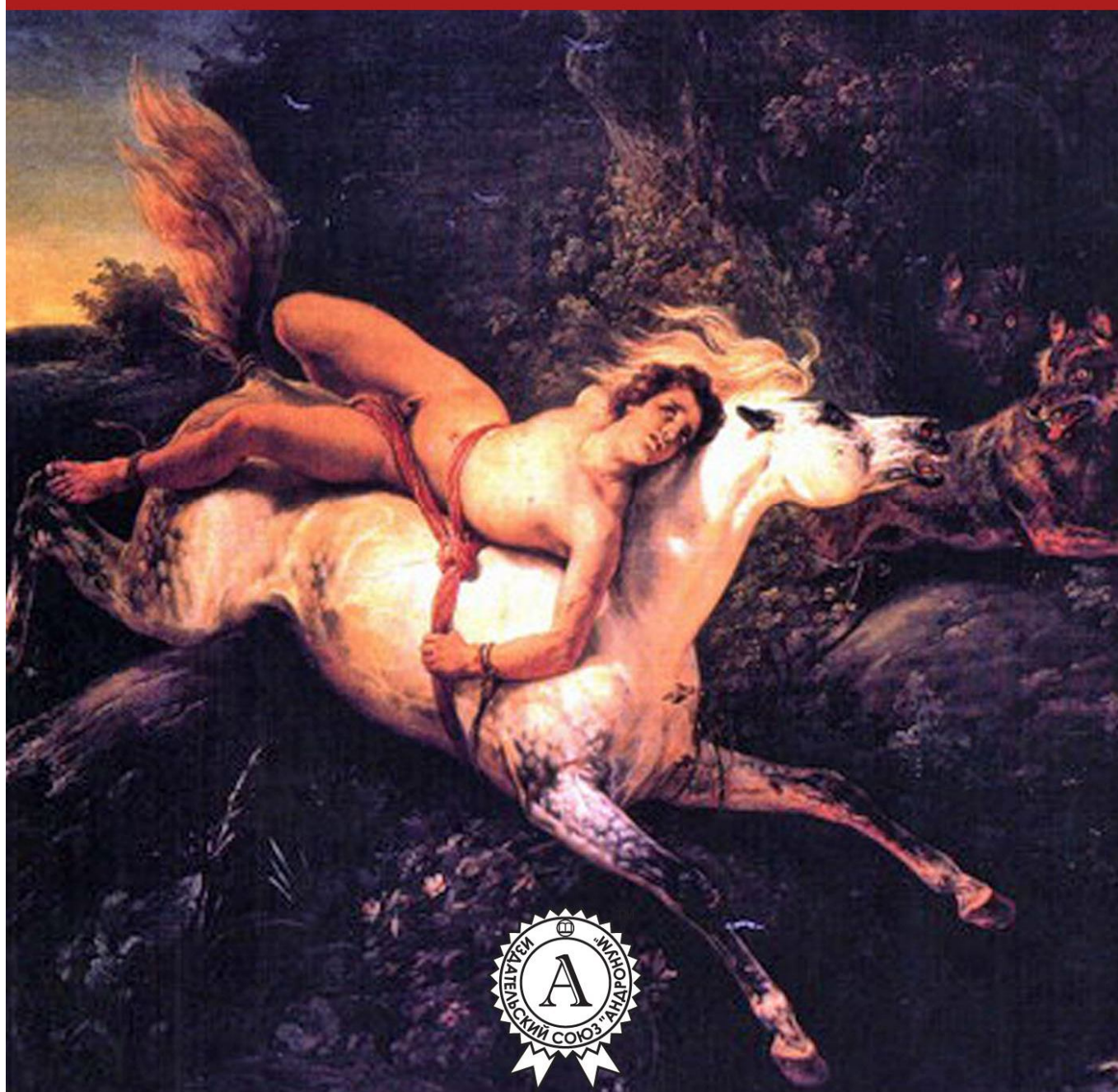

ДЖОРДЖ ГОРДОН
БАЙРОН

МАЗЕПА

Джордж Гордон Байрон МАЗЕПА

Поэма
Перевод Я. Г. (1837)

*«Мазепа» — романтическая поэма гениального английского поэта Джорджа Байрона (англ. George Noel Gordon Byron, 1788–1824).****

Украинский гетман Иван Мазепа рассказывает королю Карлу XII историю своей жизни. Главный эпизод — о том, как юного Мазепу, тогда еще королевского пажу, в наказание за порочную связь с супругой одного вельможи привязывают голым к спине лошади и отпускают в поле...

Произведение является обязательной частью школьной программы.

«Корсар», «Абидосская невеста», «Лара», «Марино Фальеро», «Пророчество Данте», «Гяур», «Манфред», «Дон Жуан», «Вальс».

Джордж Гордон Байрон считается символом европейского романтизма, «Прометеем нового времени». В творчестве этой загадочной личности пессимизм и мотивы «мировой скорби» удивительным образом сочетаются со свободолобием и революционным духом. Его произведения переведены на многие языки мира и уже несколько веков продолжают покорять сердца читателей.

I

Замолкли громы под Полтавой;
Обманут счастьем пылкий Швед;
Легли полки; с земли кровавой
Уже не встать им для побед:
И сила с славой боевою,
Непостоянные вовек,
Как их поклонник, человек,
Передались Царю-герою,
И Кремль грозы уже не ждет.
Но день, еще мрачней, настанет,
Но придет памятное год:
Москва стыдом и смертью грянет,
И враг, еще сильнее, падет;
Еще позорней поражение
Постигнет рати с их вождем:
Шумнее, гибельней паденье,
Вождю удар, дружинам гром.

II

Так выпал жребий: Карл разбитый
Бежать впервые принужден;
И день, и ночь стремится он,
Своею кровию облитый
И кровью подданных своих.
За Карла тьмы погибли их;
Уже пред силой сокрушенной
Не страшно правде в этот миг;
Но ни один неслышен крик
В упрек гордыне униженной.

Под ним застрелен конь его;
От ран Гиэта¹ умирая,
Монарху отдал своего,
Но пал и тот, изнемогая.
И что ж? В глуши, во тьме лесов,
Среди светящих в отдаленье
Огней недремлющих врагов,
Король находит одр и кров.
Вот лавры, вот отдохновенье,
Вот для чего борьба племен!
Его несут под ближний клен:
Едва дыша, всех сил лишен,
Недвижен, он от боли стонет.
И хлад, и мрак со всех сторон,
И дрожь болезненная гонит
С его очей мгновенный сон.
Но опыт горького паденья
Монарх по-царски выносил,
И тела лютые мученья
Могучей воле покорил.
Так и народы он недавно
К повиновенью приводил
Своею силою державной.

III

Лишь горсть вождей; так день один
Рассеял сонмища дружин!
Но верен, доблестен круг тесный:
Немые в горести своей,
Садятся все под кров древесный
Вкруг государя, близ коней.
Так люди с тварью бессловесной
Дружатся в общей им беде;
Так все равняются в нужде.
В числе других Мазепа тоже
Под старым дубом стелет ложе:
Как дуб и крепок и суров,
Едва ли сам его моложе
Отважный гетман казаков.
Потом он, отдых забывая,
Отер коня, его лаская;
Под борзым листьям набросал,
Его по гриве потрепал,
И разнуздал, и любовался
Как жадно он траву щипал.
Досель Мазепа опасался,
Что конь его ночной порой
Пренебрежет росистым лаком.
Но верный конь, как сам герой,
И не изнежен и не лаком.
Хоть горд, всегда послушен он;

¹ По свидетельству Вольтера (Hist. de Charles XII) полковник Гиэта, истекая кровью, отдал Карлу свою лошадь. «Современник», № 9, 1838.

На все готов, легок, силен;
С Татарской прытью он несется;
Он знает голос полководца;
К нему торопится на зов;
Его отыщет меж рядов;
И если б звездный луч затмился,
С заката солнца по рассвет
Во тьме бы добрый конь стремился
Покорно воину вослед.

IV

Мазепа плащ на дерн бросает,
Становит к дереву копьё,
Потом оружие разбирает;
Взглянул, исправно ли ружье.
Пощупал сабли лезвие;
Отер ножны и рукоятку,
И словом, все добро свое
Пересмотрел он по порядку.
Потом баклагу взял с кисой
И, приготовив ужин свой,
Монарха подчивал с вожжами,
Спокойней духом, чем иной
Придворный в пиршестве с друзьями.
Отведав скудных яств, король
Хотел, скрывая скорбь и боль,
Веселым быть назло судьбине,
И улыбаясь, начал так:
«Никто во всей моей дружине
Не превзошел тебя, казак!
От Македонского поныне
Свет не видал такой четы,
Как с Буцефалом этим ты.
Всю славу Скифов помрачает
Твоя удалая езда!»
На то Мазепа отвечает:
«Да будет вечно проклята
Та школа, где науке конной
Учился я!» И изумленный
Король спросил: «Что так, старик?
Науку славно ты постиг!»
«Есть быль; но нынче не до были,
Тот возразил: не две-три мили
Еще скакать нам от врага:
Везде опасность от погони,
Пока не ступят наши кони
На Заднепровские луга.
И, государь, тебе нужна же
Минута отдыха: я б стал
Перед дружиною на страже».
«Скажи ту быль, — монарх прервал, —
О том прошу тебя. Проворно,
Быть может, я под твой рассказ
На миг сомкну усталый глаз:
Дрема бежит меня упорно».

С такой надеждой я готов:
Тогда, я думаю, годов
Мне было двадцать... так, не больше;
И Казимир в то время в Польше —
Ян Казимир — был королем.
Я был шесть лет его пажом.
Уж то-то был монарх ученый;
С тобой не сходствовал ни в чем:
Он оставлял в покое троны,
Не брал, за то и не терял,
И, кроме прений на диэте,
Премирно царством управлял.
Но кто без горя жил на свете?
Он муз и женщин обожал:
Они ж так гневны, что порою
Войны желал бы Казимир;
Но он склонялся вновь на мир
Пред новой книгой иль красою.
Пирам, бывало, нет конца:
Народ по улицам Варшавы
Бежит к стенам его дворца
Взглянуть на пышные забавы,
На блеск вельмож и дев, и жен.
Толпа поэтов Казимиру
Твердила: ты наш Соломон!
Один лишь, помнится, сатиру
Скропал непризренный певец,
И хвастал тем, что он не льстец.
Двор весел, шумен был в те годы;
В нем все за вирши принялись;
Я сам слагал порою оды
И их подписывал: Тирсис.
Был некто старый воевода:
Богат, как рудокопня, граф
И очень древнего уж рода.
Он был не в меру величав;
Сокровищ он имел без счета;
Его любимая забота
Была над золотом сидеть,
Иль в родословную глядеть:
И так зазнался он над ними,
Что счел, в каком-то забыты,
Заслуги предков за свои.
Жена, с привычками иными,
Была годами тридцатью
Моложе, и кляла в неволе
И власть его и жизнь свою.
Сперва желанья, не боле,
Потом надежды, с ними страх,
Стыда и сожаленья слезы,
Там соблазнительные грезы,
А дальше встречи на пирах
С Варшавской молодежью, глазки
В восторгах пенья или пляски:
Все это живо, быстро шло
И незаметно привело
Ее к опаснейшей развязке...

Тогда я был в моей весне.
Скажу теперь под сединами:
Меж молодыми Поляками
Немного равных было мне
Блестящей юности дарами.
Я весел был, могуч, удал...
Теперь не то: я страшен стал;
Давно согнулся стан мой стройный;
На мне лета, заботы, войны
Свой след глубоко провели.
Меня отвергли бы свои —
Так вечер мой не схож с зарею!
И прежде, чем года мои
Прошли над этой головою,
Уже давно не тот я был.
Ты знаешь: возраст не убил
Во мне ни храбрости, ни сил —
Иль я бы сказкою ночью
Тебя теперь не веселил
Под черной неба пеленою.

Но далее. Терезы вид...
Еще теперь так помню живо,
Что мнится, будто бы сидит
Она вот здесь под этой ивой.
Но где счастливых слов сыскать,
Чтоб образ милой описать?
Азийских дев глаза и брови;
След примеси Турецкой крови,
Текущей в жилах Поляков —
Глаза темны, как тверди кров
Над нами. Но сквозь эти очи
Мерцал какой-то нежный луч,
Как новый месяц в час полночи
Украдкой брезжит из-за туч.
Любовь и томность выражая
И тая в собственном огне,
Тебе напомнили б они
Святых, которые, для рая
Томятся в муках на костре,
В восторге взор стремят горе.
Чело, как озеро в день ясной,
Когда ни струйка не плеснет
И луч играет в лоне вод,
И в них глядится неба свод;
Уста и щеки, но напрасно...
Терезу я любил тогда,
Люблю теперь все так же страстно,
И охладить меня не властно
Ничто — ни счастье, ни беда;
Люблю в самом ожесточенье,
И прошлое за мною вслед
До этих поздних жизни лет
Идет неотгонимой тенью.

Судьба свела нас. Я взглянул.
Мой взор был встречен. Я вздохнул.
Она, стыдливая, молчала,
Но молча как-то отвечала.
Есть речь без слов, язык немой,
Таинственный, неуловимый,
Для чувства только постижимый,
Для хладного ума чужой.
Невольню мысль души кипучей
Сверкает искрами извне;
Как бы связуясь цепью жгучей,
Два юных сердца вдруг в огне:
Так быстро пламя сообщает
Электризованный металл,
Но как? Никто не постигает». —
Я мучился в тиши, рыдал,
Нетерпеливо ждал сближенья —
И скоро случай сблизил нас:
И мы могли уже подчас
Поговорить без подозренья.
О, как я жаждал объясненья!
Но мой язык коснел, не раз,
Пока не выждал я мгновенья.
Случаюсь как-то ей со мной
Наедине быть за игрой —
Какой? Назвать уж не умею:
Игра пустая; но за нею
Дни убивали мы порой.
В тот раз терял я то и дело;
Но что мне было до того?
Со мною глаз на глаз сидело
Столь дорогое существо!
Как страж, за ней следил я оком
(Будь наша стража так бодр!).
Она в раздумии глубоком
Склонилась на руку. Игра
Ея души не занимала.
Часы летели; но она,
Как бы к столу пригвождена,
Играть со мной не преставала.
И мысль в сердечной глубине
Как молния сверкнула мне:
В ней что-то шепчет о надежде!
И в этот миг, смелей, чем прежде,
За мыслью речь моя лилась
Несвязно, странно, торопливо;
Но ей внимали терпеливо.
Чего ж еще? Кто слушал раз,
Тот и еще услышит нас:
Уж сердце, значит, не ледяное;
Хоть и откажут, будь в покое,
С надеждой выслушай отказ.

VII

Я обожал. Меня любили.
Ты, государь — есть слух такой —
Ты нежной слабости людской
Не знал. Тебя бы утомили
Подробности сердечных мук;
Тебе б смешон был мой недуг:
Я повесть их могу составить». —
Но всем нельзя ж владеть страстьми;
Не все, как ты, умеют править
Равно собою и людьми.
Я сам глава над племенами,
Или вернее — *был* главой;
Но воле двигая рядами,
Вел тысячи на смертный бой,
Но был не властен над собой.
Я обожал. Меня любили.
И признаюсь: любовь сладка,
Но от нее беда близка.
Свиданья наши тайны были.
Их краткий час, о, как собой
Он искуплял мне ожиданье!
И что пред ним век долгий мой!
На всем далеком расстоянье
От юности до поздних лет
Ему в моем воспоминанье
Подобных не было и нет.
Украину б отдал я охотно,
Чтоб на один еще хоть раз
Мне воротить тот сладкий час;
Чтобы назваться беззаботно
Опять тем счастливым пажом,
Который — с юностью златою
Богат в убожестве своем —
Так дорожил своей судьбою,
Владея сердцем и мечом.
Я тайно лишь видался с нею:
Свиданья тайные вдвойне
Приятны многим, но не мне.
Я, чтоб назвать ее своею
Пред целым светом и Творцом, —
Не поскупился б жизнью всею —
И будто яд мне сердце жгли
Свиданья тайные мои.

VIII

Но на влюбленных много глаз:
Так примечали все и нас.
Лазутчики нас сторожили
И, на свидании застав,
Меня с Терезой захватили.
Неистово был гневен граф,
Оружья не было со мною.